За пятьдесятъ лѣтъ.

Глава 6.

Раннее утро вступило въ свои права. Мимо насъ шли кухарки на базаръ, мастеровые на работы. Моя голова стала какъ-то свѣжѣе, несмотря на безпокойно проведенную ночь. Желудокъ тоже подавалъ жизнь, но купить еще что-нибудь поѣсть было рано; магазины и лавки не были открыты. Я тупо смотрѣла передъ собой въ ожиданіи добыть пропитанья. Затѣмъ образъ дяди всталъ передо мной, и я очень горько заплакала.

— Чего, дѣвочка, плачешь? раздался около меня женскій голосъ. Я подняла голову и увидала передъ собой простую женщину, съ добрымъ пріятнымъ лицомъ. Я хотѣла отвѣчать, но вырвавшіяся рыданія не дали говорить.

— Не плачь, дѣвонька, не плачь, милая, успокаивала женщина, поглаживая корявой, рабочей рукой мои волосы. Это что же, сестрепка твоя, что ли? Я отвѣчала кивкомъ головы.

— Да гдѣ же родители-то, гдѣ фатера-то?

— У насъ теперь никого нѣту, сквозь слезы отвѣтила я.

— Вотъ тебѣ и разъ, а гдѣ же жили-то?

— Вотъ тамъ, гдѣ домъ заколоченъ досками...

— Вотъ оно что... ну, вотъ что, дѣтки, вы идите со мной, ко мнѣ, а тамъ ты все разскажешь. Я васъ чайкомъ напою, съ хлѣбцомъ, обмою, а то вы опаршивите такъ-то... Ну, идите, идите...

Ласковая рѣчь и внѣшность женщины расположили насъ, и мы пошли за ней. Жила она довольно далеко, на краю города, въ подвальномъ этажѣ. У воротъ была при-

бита самодѣльная вывѣска „стираютъ бѣлье и проч.“, „русская прачешная“ „снѣжинка“. Мы вошли въ низенькую комнату, пахло утюгами и горячимъ бѣльемъ. Двое женщинъ гладили крахмальныя рубахи, постукивали и налегали на утюги. Проходя черезъ кухню, я замѣтила кипящій самоваръ, довольно основательной величины. Мнѣ ужасно захотѣлось теплаго чаю.

Тѣмъ временемъ женщина, подобравшая насъ, разсказала мастерицамъ, въ чемъ дѣло; тѣ участливо смотрѣли на насъ и покачивали головами. Наконецъ, подали самоваръ и заварили чай, хозяйка отрѣзала всѣмъ присутствующимъ по огромному ломтю чернаго хлѣба, и по небольшому куску малороссійскаго сала. Затѣмъ розлили чай въ большія глиняныя кружки. Я и сестра съ аппетитомъ пили горячую влагу, а черный хлѣбъ казался необыкновеннымъ пирожнымъ. Какъ мы ни проголодались, но одолѣть весь чай и весь хлѣбъ не могли. Когда мы кончили трапезу, хозяйка сказала:

— Крестите лбы...

Мы перекрестились.

— Ну, дѣвонька, разскажи мнѣ, какъ ты на улицу попала и гдѣ твои родители.

— Я разсказала. Хозяйка покачивала головой. Когда вся исторія была окончена, наша благодѣтельница налила теплой воды въ лохань, стоявшую въ кухнѣ, раздѣла насъ, приказала одной и другой разомъ влѣзть въ лохань и, взявши въ руки кусокъ простого сѣраго мыла, натерла имъ тѣла отъ головы до пятъ, а затѣмъ стала поливать водой. Мы послушно стояли. Когда операція была кончена, она одѣла насъ въ какое-то, чье-то чистое бѣлье, а наше приказала выстирать.

Опять потянулась жизнь новая, странная для меня. Хозяйка сестру дѣлать ничего не заставляла, а я должна была подметать комнаты, накрывать столъ и все это дѣлала съ большимъ удовольствіемъ. Съ нами она обращалась хорошо и оказалась очень хорошей женщиной...

По вечерамъ, когда работа была окончена, мастерицы пили чай, ѣли, а я имъ танцевала; восторгъ былъ полный, и каждая изъ присутствующихъ старалась отблагодарить насъ, давая то яблоко, то паточныхъ леденцовъ, то пряниковъ. Прошло недѣли три. Намъ сшили простыя ситцевыя платья съ кофточками, и мы съ сестрой стали походить на простыхъ дѣтей, сотнями бѣгающихъ по улицамъ,

населеннымъ бѣднотой. И у меня и у сестры въ косичкахъ вплетенъ былъ кумачъ, а на ногахъ были одѣты грошевыя туфли и темные вязанные спицами чулки. Я узнала, что наша покровительница ходила въ полицію съ заявленіемъ. Тамъ записали ея адресъ на случай, если бы поступило какое-либо заявленіе.

Въ одно изъ воскресеній мы по обыкновенію сидѣли на лавочкѣ у воротъ, разсматривая прохожихъ и проѣзжающихъ. Мальчики играли въ чехарду и бабки. Въ это время въ концѣ улицы показался извозчикъ. Онъ довольно быстро подвигался къ нашему дому; еще минута, и съ дрожекъ соскочила наша мать. Увидя насъ, она въ истерическихъ рыданіяхъ бросилась къ намъ, обнимала, цѣловала и судорожно прижимала къ себѣ. Я никогда не забуду ея растеряннаго вида. Шляпка сбилась на бокъ, изъ-подъ нея въ безпорядкѣ торчали волосы. Глаза блуждали, губы тряслись. Послѣ перваго волненія, мама пошла съ нами домой, да ужъ было время это сдѣлать. Вокругъ насъ собралась ватага мальчишекъ и уличныхъ зѣвакъ. Мама горячо благодарила женщину и дала ей денегъ, но та отъ нихъ отказалась, говоря, что насъ ей Богъ послалъ, и когда наступилъ моментъ прощанія, горе женщины не имѣло границъ. Она прямо выла, хватала то одну, то другую на руки и все бѣгала по комнатѣ. Мы тоже привыкли къ ней, тоже были огорчены, но радость встрѣчи съ мамой уменьшала чувство разлуки съ доброй женщиной. Мать поѣхала въ магазины покупать намъ все необходимое. Тѣмъ временемъ наша временная мать побѣжала въ лавку и накупила разныхъ сластей и сунула намъ ихъ въ руки. Она любовно смотрѣла на насъ, то поглаживая, то сажая по очереди къ себѣ на колѣна.

Пріѣхала мать съ вещами, одѣла, насъ и мы снова обратились въ барышень. Когда туалетъ былъ совершенъ, бѣдная женщина со страхомъ и мольбой обратилась къ матери съ просьбой побыть у нея до утра. Мать согласилась, тѣмъ болѣе, что пароходъ отходилъ утромъ. Радости не было границъ. Хозяйка не знала, куда усадить маму, а когда пришло время спать, наложили ей цѣлый ворохъ перинъ и подушекъ.

На утро мы уѣхали на пристань. Хозяйка долго стояла и, провожая насъ, утирала носъ, подъ которымъ собирались слезы.

Изъ глазъ скрылось наконецъ наше мѣстопребываніе, и черезъ полчаса мы были уже на пристани.

Мама взяла билеты, и мы вошли на пароходъ.

Мама разсказала намъ все то, что она пережила, пріѣхавъ и увидавъ заколоченный домъ и узнавъ о смерти брата. Прежде всего она кинулась на кладбище, думая, не пригрѣли ли насъ тамъ или сторожъ или священникъ. Побывавъ наскоро на могилѣ и поставивъ деревянный крестъ, она стала метаться по городу. Ей почему-то въ голову не пришло обратиться разомъ въ полицейское управленіе, и кто-то изъ постороннихъ надоумилъ ее. Она поѣхала и тамъ-то узнала, гдѣ мы находились.

Пароходъ отвалилъ. Мы стояли у борта и смотрѣли на волны. Онѣ бѣжали, и пароходъ, разрѣзывая ихъ, быстро шелъ впередъ.

Первые моменты встрѣчи прошли, и вотъ въ мою голову прокралась мысль: опять домой, опять къ „папашѣ", и меня снова охватило чувство страха, боязни, отъ которыхъ за послѣднее время я отвыкла.

Я задумалась, и должно быть на моемъ лицѣ отразилось мое душевное состояніе; мама спросила:

— О чемъ ты, Машенька, задумалась?

Я прижалась къ ней и прошептала:

— Боюсь...

— Кого, глупенькая?

Я не отвѣчала, мать поняла и смолкла.

Съ этой минуты на душѣ у меня легла тоска, точно я ждала какого-то горя, несчастья.

Мама старалась меня развеселить, и чтобы успокоить ее, я улыбалась, старалась быть веселой, но все же это было сдѣлано искусственно...

Мы напились чаю, затѣмъ пообѣдали, и опять напились чаю уже вечеромъ и легли спать.

Часовъ въ восемь, въ девять утра на палубѣ забѣгали, застучали. Мы стали наскоро одѣваться и когда были готовы, то пароходъ причалилъ уже къ Одессѣ.

Намъ пришлось ждать; публики было много и насъ могли затолкать... Наконецъ толпа порѣдѣла, и мы двинулись. Вдругъ какой-то приступъ ужаса охватилъ меня, и я стала кричать: „Не пойду, не пойду".

Мать успокаивала меня, дала воды, и мы затѣмъ сѣли на извозчика. Я была счастлива, что лошаденка нашего

возницы едва волочила ноги и встрѣча съ вотчимомъ отдалялась...

Чѣмъ ближе мы приближались, тѣмъ сердце мое билось медленнѣе и замирало, точно его кто-нибудь давилъ и сдерживалъ біеніе...

Въ городѣ пришлось пересѣсть на парнаго извозчика, и мы покатили на хуторъ въ резиденцію „папаши“.

Вотъ показался хуторъ, вотъ домъ, а вотъ и парадный подъѣздъ...

Въ немъ стоялъ „онъ“. Увидя насъ, вотчимъ не двинулся съ мѣста, а когда мы подошли ближе, ухмыляясь, произнесъ:

— А, воловыя кишки, пріѣхали... Давненько не видались.

Глава 7.

Первые дни прошли довольно спокойно. Мы только были лишены игрушекъ навсегда. Вотчимъ нашелъ, что мы уже взрослыя барышни и должны заниматься серьезнымъ дѣломъ, особенно я. Игрушки выброшены, а первымъ серьезнымъ для меня дѣломъ было отдано приказаніе прокопать грядки съ арбузами и дынями. Я съ ранняго утра занялась этимъ дѣломъ, а вотчимъ точно плантаторъ, въ широкой соломенной шляпѣ, стоялъ надо мной, держа въ рукѣ хлыстъ, и хотя таковой въ ходъ не былъ пущенъ, но на душѣ у меня было жутко отъ ожиданія. Работа была прекращена только тогда, когда мои руки распухли, потрескались и показалась кровь. Я была отпущена. Умывшись и одѣвшись, я сѣла отдохнуть. У меня очень болѣла спина, затылокъ, ноги и руки. Послѣ завтрака я была позвана вотчимомъ и получила приказъ танцевать. Онъ взялъ въ руки гитару, игралъ русскую, это единственное, что онъ умѣлъ наигрывать, а я должна была подъ эту музыку танцевать чардашъ. Это меня сбивало, но я рѣшила не обращать вниманія на аккомпанементъ и вела свою линію. Къ моему удивленію, когда танцы были окончены, вотчимъ сказалъ:

— Здорово! Наловчилась, Машка, здорово! Будетъ толкъ, пляши!

Мать, услышавъ похвалу, расцвѣла отъ удовольствія, а сестра вдругъ вздумала было засмѣяться. Я поблагодарила вотчима, сказавъ:

— Благодарю васъ, папаша!

— Только не зазнайся, добавилъ вотчимъ, карьеру можешь сдѣлать. Не попадешь въ театръ, въ гостиницахъ въ хорѣ хорошо плясать, рублей тридцать въ мѣсяцъ сможешь получать. А будешь съ бубномъ гостей обходить и шестьдесятъ наковыряешь. Послѣ такого резюме, мать опять стала серьезной и, пожавъ плечами, рѣшилась возражать:

— И что ты только, Леличка, говоришь? Да развѣ возможно дѣвочку въ хоръ отдавать?

— Ну не отдавай въ хоръ, пусть поступитъ на Императорскую сцену, ухмыляясь, отвѣтилъ матери отецъ и пошелъ спать.

Мы пошли въ садъ и стали съ сестрой во что-то играть. Время прошло незамѣтно, и насъ позвали къ обѣду. Мы по обыкновенію молча ѣли.

Между вотчимомъ и матерью начался разговоръ, окончившійся совершенно неожиданно:

— Такъ ты говорила, Саша, что братъ твой недолго хворалъ и отдалъ Богу душу... Ну что жъ, такъ видно судьбѣ угодно, а чѣмъ онъ хворалъ?

— Тифомъ...

— Какимъ?

— Сыпнымъ...

Эффектъ былъ полный. Вотчимъ не донесъ куска мяса въ ротъ и, широко открывъ глаза, переспросилъ.

— Каки-имъ?

— Сыпнымъ, Леличка...

— Ты съ ума сошла! Отдѣлить! Зараза! Пусть живутъ въ отдѣльномъ флигелѣ.

— Но, Леличка...

— И слушать не хочу...

— Да вѣдь прошло много времени... платьица новыя... сами здоровы.

— Не возражать! Мнѣ еще жизнь дорога...

Словомъ, насъ отдѣлили, и мы жили, какъ зачумленныя. Прислуга, которая подавала намъ, не смѣла войти въ комнаты. Мать тоже не должна была видѣться, но приходила украдкой... Намъ очень было скучно. Занятій не было никакихъ, игрушекъ тоже. Тогда отъ нечего дѣлать я изобрѣла игру: собирала мертвыхъ жуковъ, бабочекъ, червей, выкапывала ямки и хоронила ихъ. Изъ щепочекъ устраивала заборы и ставила кресты. Все, что я выучила съ дядей, я повторяла и даже прибавляла новыя „па“. Можетъ

быть, онѣ были и не нужны, но мнѣ казались украшеніемъ, и я старалась изображать все новыя и новыя. Сочиняла какіе-то танцы и этимъ наполняла долгіе дни и вечера. Спать ложились рано, вставали рано, и такъ текли дни однообразные, надоѣдливые, бездѣльные. Наконецъ, въ одинъ изъ дней, приказано было вымыть насъ карболкой и впустить въ домъ. Все-таки было веселѣй. Мы видѣли маму...

Періодъ дѣтства я на этомъ кончаю. Впереди начинается жизнь новая, замужество, рожденіе дочери, разъѣздъ съ мужемъ и поступленіе на сцену. До этого періода разсказывать болѣе нечего. Что было прежде, то было потомъ. Родину, отечество называютъ воспоминаніемъ дѣтства, у меня эти воспоминанія самыя грустныя, тяжелыя. Свѣтлымъ пятномъ промелькнули мѣсяцы у дяди, закончившіеся его смертью, и жизнь у прачки, затѣмъ образъ матери, а остальное лучше было бы не вспоминать; да я и не вспоминала, старалась не вспоминать, и вотъ только теперь, прослуживъ театру пятьдесятъ лѣтъ, я дѣлюсь этими воспоминаніями и образы далекаго прошлаго встаютъ передо мной и вереницей движутся и тянутся длинной, длинной лентой. Вспоминая свое дѣтство, мнѣ хочется иногда и плакать и смѣяться; смѣяться часто надъ трагическими положеніями, но ужъ очень они теперь кажутся дикими, несуразными и хочется думать, что ихъ не было. Что все это тяжелый сонъ, ушедшій, забытый и случайно вспомянутый. Да, все это такъ, но на закатѣ жизни все-таки вспоминается ея заря, покрытая тучками, и чувствуя, что это невозвратимо... думается, думается обо всемъ, обо всемъ... вы видите, текутъ слезы, слезы двойственныя и какого-то умиленія и скорби.

Большинство умерло. Умеръ вотчимъ, умерла мать, умерла сестра... Много превратностей судьбы пришлось пережить и далѣе, но всѣ эти превратности вспоминаются съ удовольствіемъ, онѣ вели меня по пути, душой, сердцемъ избранному, вели къ театру, къ сценѣ, а театръ для меня былъ „все“... Небольшое слово „все“, а сколько въ немъ вмѣщается и сколько дорогихъ, свѣтлыхъ моментовъ онъ давалъ мнѣ, и вотъ я старуха, я уже оставила священные подмостки, а люблю его, очень люблю, и мнѣ истинное удовольствіе доставляетъ посѣщать его, и я бываю тогда, когда вижу талантливое исполненіе, новое, свѣжее дарованіе, новыя вѣянія, но... объ вѣяніяхъ, быть можетъ, поговорю дальше, если прійдется къ слову. Между

вышеописаннымъ и тѣмъ, о чемъ я буду говорить, прошло около четырехъ лѣтъ, а затѣмъ прошло пятьдесятъ. Въ этотъ срокъ много новаго я увидала; переиспытала и видѣла воочію ходъ театральнаго искусства на другихъ. Бывали годы, когда я чувствовала, что театръ живетъ, гигантскими шагами идетъ впередъ, а бывали такіе, когда, наоборотъ, чувствовалось иное, казалось, что онъ замираетъ, движеніе останавливается, а тамъ снова, точно по мановенію волшебной палочки, все просыпалось и казалось, что весна возвращается, что снова зацвѣли фіалки, и радостно и хорошо становилось на душѣ. Не могу воздержаться, чтобы не забѣжать впередъ и не сказать, что однимъ изъ такихъ свѣтлыхъ періодовъ было управленіе театромъ моего покойнаго мужа, незабвеннаго Николая Николаевича Соловцова. Это воспоминаніе ярко освѣщаетъ мою теперешнюю жизнь и залѣчиваетъ многое въ прошломъ. Грустно, грустно, что онъ такъ безвременно сошелъ въ могилу, полный силъ, надеждъ, таланта... Такой энергіи, такой кипучей дѣятельности, такого стремленія впередъ я мало и встрѣчала. Я смѣло это могу сказать теперь, когда пресса, когда страницы исторіи театра занесли его имя на скрижали этой исторіи, когда еще тысячи людей живы и чтутъ его. Право, меня нельзя упрекнуть въ томъ, что я это открыто заявляю. Прошло десять лѣтъ съ его смерти, десять лѣтъ, а его духъ еще живетъ, еще витаетъ дорогая мнѣ тѣнь въ стѣнахъ Кіевскаго театра. Душа моя сейчасъ полна гордостью и тоской по миломъ, дорогомъ человѣкѣ...

Но... покончу объ этомъ и постараюсь возобновить въ моей памяти рядъ долгихъ лѣтъ...

Съ дѣтствомъ, тоже какъ съ воспоминаніемъ, прощаюсь, прощаюсь навсегда...

Ну-съ, приступимъ.

Сообщилъ **Б. Скуратовъ**.

(Продолженіе слѣдуетъ).